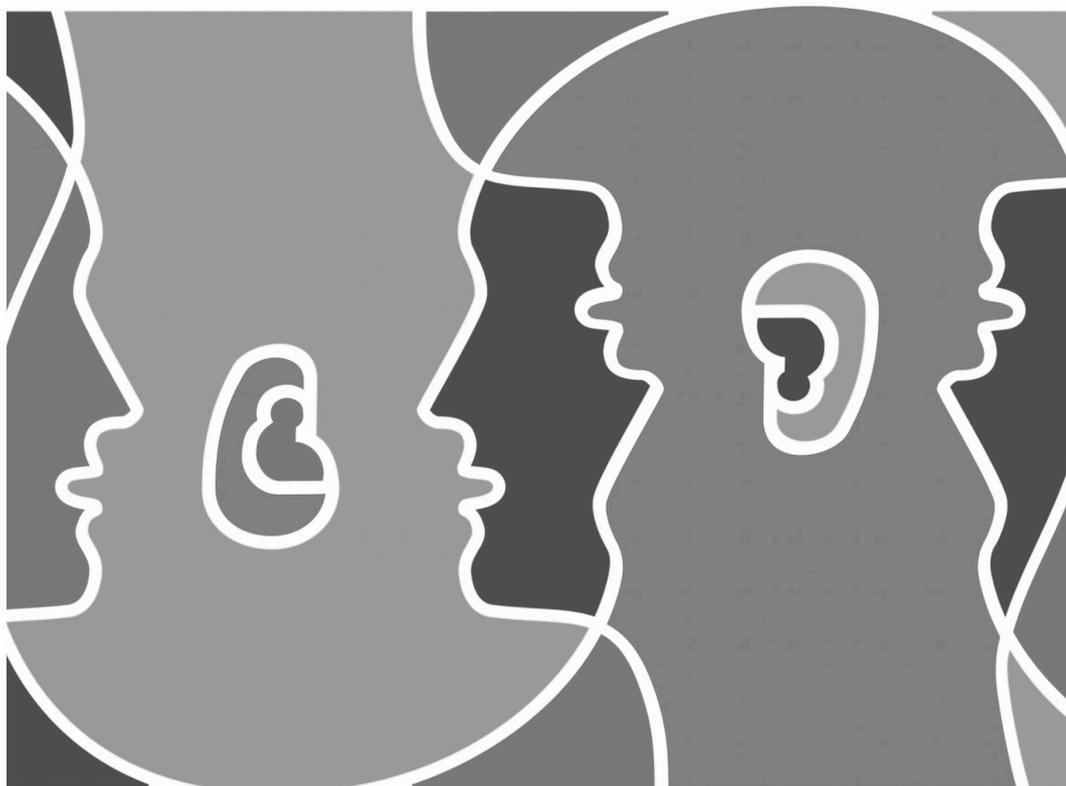

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНКУРС

ЛУЧШИЕ ПЕРЕВОДЫ

Москва 2017

Rudyard KIPLING

THE ROMAN CENTURION'S SONG

Legate, I had the news last night --my cohort ordered home
By ships to Portus Itius and thence by road to Rome.
I've marched the companies aboard, the arms are stowed below:
Now let another take my sword. Command me not to go!

I've served in Britain forty years, from Vectis to the Wall,
I have none other home than this, nor any life at all.
Last night I did not understand, but, now the hour draws near
That calls me to my native land, I feel that land is here.

Here where men say my name was made, here where my work was done;
Here where my dearest dead are laid—my wife—my wife and son;
Here where time, custom, grief and toil, age, memory, service, love,
Have rooted me in British soil. Ah, how can I remove?

For me this land, that sea, these airs, those folk and fields suffice.
What purple Southern pomp can match our changeful Northern skies,
Black with December snows unshed or pearly with August haze-
The clanging arch of steel-grey March, or June's long-lighted days?

You'll follow widening Rhodanus till vine an olive lean
Aslant before the sunny breeze that sweeps Nemausus clean
To Arelate's triple gate; but let me linger on,
Here where our stiff-necked British oaks confront Euroclydon!

You'll take the old Aurelian Road through shore-descending pines
Where, blue as any peacock's neck, the Tyrrhene Ocean shines.
You'll go where laurel crowns are won, but—will you e'er forget
The scent of hawthorn in the sun, or bracken in the wet?

Let me work here for Britain's sake—at any task you will—
A marsh to drain, a road to make or native troops to drill.
Some Western camp (I know the Piet) or granite Border keep,
Mid seas of heather derelict, where our old messmates sleep.

Legate, I come to you in tears—My cohort ordered home!
I've served in Britain forty years. What should I do in Rome?
Here is my heart, my soul, my mind—the only life I know.
I cannot leave it all behind. Command me not to go!

ПЕСНЬ РИМСКОГО ЦЕНТУРИОНА

Легат, мне новости пришли: когорту шлют домой.
Судами в Портус и затем - дорогой в римский зной.
Кампаний много мы прошли - сражаться нету сил;
Вели, чтоб я оставил меч, чтоб я не уходил!

Служил в Британьи сорок лет - у Векта, под Стеной;
Мне крова в мире больше нет, и жизни нет другой.
Той ночью я не понимал, но нынче пробил час –
И трубный глас ко мне воззвал - земли родимой глас.

Ведь здесь я имя получил, здесь все мои труды;
Любимых здесь похоронил - здесь спят жена и сын.
Здесь я любил, старел, скорбел - здесь все мои пути;
В Британьи рок мой, мой удел - я не могу уйти!

Хватает этой мне земли, народа и лесов.
Что роскошь юга может дать, коль резвость облаков
Метёт в декабрь черный снег, иль шлёт туманных дней,
Когда в набат грохочет март, а ночи всё светлей?

Вниз по Родану ты пройдешь к оливам и лозам,
Что солнца свет и легкий бриз кельтийским шлют богам,
И в Арелатский вход тройной... - но я останусь здесь:
Затмила мне Ираклидон британских дубов весь!

Пройдешь прибрежных сосен бор. Этрасский океан
Засеребрит тебе вдали – и Андрианов вал
Отдашь для лавровых побед, но мне-то не забыть
Боярышника сладкий цвет, росистых веток нить.

Позволь, я буду здесь служить - возьму любой наказ!
Готов болота осушить, копать и строить плац.
На запад я готов пойти - в далекий лагерь Пикт,
Где море вереска шумит, и память падших спит.

Легат, я слез сдержать не смог: когорту шлют домой!
Пойми - в Британии мой рок, мне чужд столичный зной!
Здесь мое сердце и душа, лишь здесь умею жить.
Я слишком много тут стяжал. Позволь не уходить!..

Rupert BROOKE

THE SOLDIER

If I should die, think only this of me:
That there's some corner of a foreign field
That is for ever England. There shall be
In that rich earth a richer dust concealed;
A dust whom England bore, shaped, made aware,
Gave, once, her flowers to love, her ways to roam,
A body of England's, breathing English air,
Washed by the rivers, blest by suns of home.
And think, this heart, all evil shed away,
A pulse in the eternal mind, no less
Gives somewhere back the thoughts by England given;
Her sights and sounds; dreams happy as her day;
And laughter, learnt of friends; and gentleness,
In hearts at peace, under an English heaven.

Когда паду навек сражённым, знай,
Средь поля боя, на чужбине дальней
Стал частью Родины один лоскутный край,
Хранящий прах судьбы моей печальной.
Судьбы, взлелеянной родною стороной,
Усеянной её цветами пёстро,
Её вдыхавший воздух неземной,
И свежесть рек, и солнца ухажёрство.
И знай, что сердце, зло развеяв вдаль,
Пульс вечности познав, лучистой
Мелодией сочится в тот Грааль,
Мечты и песни Родины в котором - искры,
Сравнимые с улыбками друзей,
Сошедшихся на пир под чистым небом.

Wystan Hugh AUDEN

THE FALL OF ROME
(for Cyril Connolly)

The piers are pummelled by the waves;

In a lonely field the rain

Lashes an abandoned train;

Outlaws fill the mountain caves.

Fantastic grow the evening gowns;

Agents of the Fisc pursue

Absconding tax-defaulters through

The sewers of provincial towns.

Private rites of magic send

The temple prostitutes to sleep;

All the literati keep

An imaginary friend.

Cerebrotonic Cato may

Extol the Ancient Disciplines,

But the muscle-bound Marines

Mutiny for food and pay.

Caesar's double-bed is warm

As an unimportant clerk

Writes I DO NOT LIKE MY WORK

On a pink official form.

Unendowed with wealth or pity,
Little birds with scarlet legs,
Sitting on their speckled eggs,
Eye each flu-infected city.

Altogether elsewhere, vast
Herds of reindeer move across
Miles and miles of golden moss,
Silently and very fast.

Уистен Хью ОДЕН

Падение Рима

В ноги пирса ложатся поклоны волн.
Дождь над полем безлюдным бьёт
Всеми брошенный поезд; покинув гнёт,
Беглецы обживают склон.

Всюду сотни различных вечерних тог.
Ищет фиск должников казны,
Во всех стоках, во всех городах страны,
И коллекторы — как итог.

Выполняют обряд свой, молясь о сне,
Проститутки при храмах, и
Литераторы пишут в свой стол стихи
Для читателей в голове.

И Катон - весь угрюмый, особняком –
Мог бы долго хвалить отцов,
Только флот мускулистых и злых гребцов
Хочет жалованья с пайком.

В ложе Цезаря жарко. И в тог ж момент
Безработный, ненужный клерк
«Я не буду на дядю свой гробить век!» -
Пишет, чёркая документ.

Птицы сверху без жалости и наград,
Яйца крапчатые храня
В своих лапках багряных, взирают на

Обреченный от гриппа град.
Тем не менее, где-то, в туманной мгле
То олени стада в пуху
Километры бегут по золотому мху
Очень быстро и в тишине.

William WORDSWORTH

MEMORY

A pen, to register; a key
That winds through secret wards
Are well assigned to Memory
By allegoric Bards.

As aptly, also, might be given
A Pencil to her hand;
That, softening objects, sometimes even
Outstrips the heart's demand;

That smooths foregone distress, the lines
Of lingering care subdues,
Long-vanished happiness refines,
And clothes in brighter hues;

Yet, like a tool of Fancy, works
Those Spectres to dilate
That startle Conscience, as she lurks
Within her lonely seat.

Oh! that our lives, which flee so fast,
In purity were such,
That not an image of the past
Should fear that pencil's touch!

Retirement then might hourly look
Upon a soothing scene,
Age steal to his allotted nook
Contented and serene;

With heart as calm as lakes that sleep,
In frosty moonlight glistening;
Or mountain rivers, where they creep
Along a channel smooth and deep,
To their own far-off murmurs listening.

Уильям ВОРДСВОРТ

ПАМЯТЬ

Пером записан этот день, на ключ
Закрыт, за дверью заперт,
За ней лишь Память властвует теперь,
Которой барды служат,
Не жалея сил, себя, чернил и правды.
Перо в руке их - то властитель мира,
Спаситель и губитель, друг и враг,
Сердечной боли исцелитель
Иль вор, что оставляет жертв без сна.
Что было в прошлом - то прошло,
пропало, одна лишь линия,
которой нет конца, начала нет...
И счастья, что давным-давно познал я,
Перо раскрасило в ярчайший из всех цвет.
Казалось, что все шутка, чепуха,
Иллюзия, что растворится тотчас,
Но как дразнит, как манит и чарует всех она,
А сделав дело, убегает в никуда
И прячется под пеленою тьмы печальной.
О, вот так жизнь проходит день за днем,
Спешит туда, где чист и ясен разум,

И более забвенью не страшно,
Коль тем пером заветным я восславил
сей миг навечно и легко.

Покоен я - и час, и день и год
Свои воспоминанья мыслью возвращаю,
Но только возраст беспардонно отнимает,
То, что мне сверху наш отмерил Бог.

И не бушует мое сердце боле,
И тишь да гладь внутри меня царит.

Я озеро,
что ночью тихий диалог ведет с луною,

Иль горная река,
что променяла пыл на тишину долин.

Так пусть и в строчках тех, что моему перу принадлежали,
Расслышишь ты журчанья жизни бег.

Roman HERBERTH (1955)

WER GIBT MIR DIE SPRACHE

Wer gibt mir die Sprache, das Wort, den Verstand?

Wie heißt dieser Jemand unbekannt?

Wo führt er mich hin? Wo komme ich her?

Das Wasser dreht Mühlen und fließt ins Meer

Wer schenkt mir am Abend erholsamen Schlaf?

Wer fürchtet weder Raubtier noch Schaf?

Wer lässt mir die Freiheit, zu sein wie ich bin?

Das Wasser fließt endlos vor sich hin.

Wer teilt meine Zweifel wer trägt mich ein Stück?

Wer nimmt mich am Arm und führt mich zurück

Wer weiß, was ich denke? Wer spricht mir ins Ohr?

Das Wasser fließt durch ein Schleusentor.

Wer kann mit mir weinen? Wer weint tröstend mit?

Wer ist mein Begleiter auf Schritt und Tritt?

Ich fühle und ahne, mein Geist ist zu schwach.

Das Meer ist am Anfang immer ein Bach.

КТО ДАЛ МНЕ МОРЕ СЛОВ

Кто дал мне море слов, поток речей и разум?

Кто он, который этим одарил меня?

Откуда прибыл я? И волей чьей ведомый?

Вода вращает мельницы, течет в моря.

Благодаря кому мой сон поистине спокоен?

Кто не пугается ни волка, ни овец?

Дана мне кем возможность быть собою?

Вода течет, но где ее конец?

Кто в дни сомнений тяжесть разделяет,

От бед отводит сильною рукой?

Я слышу его голос в своих мыслях.

Пройдя сквозь шлюз, вода бежит рекой.

Страданья чьи мои страданья утешают,

И кто мой верный спутник на дороге?

Я чувствую, что дух мой слишком слаб, чтоб знать ответы.

Но скоро немощный ручей увидит свое море.

КТО ДАСТ МНЕ ЯЗЫК МОЙ

Кто даст мне язык мой, и слово, и ум?
Чье имя назвать не могу наобум?
Куда он ведет? И откуда здесь я?
Поток крутит мельницу, к морю летя.

Кто вечером дарит спокойный мне сон?
Бойтся ни агнца, ни волка, кто он?
Кто даст мне свободу быть тем, кто я есть?
Поток бесконечный исходит и днесь.

Кто делит сомнения, участь мою,
За руку возьмет и воротит в семью?
Кто мысли читает, на ухо шепнет?
Поток протекает сквозь шлюзы вперед.

Кто скажет: с тобою я плакать смогу?
Кто будет со мною на каждом шагу?
Мой дух слишком слаб. Я устал от речей.
А море всегда начинает ручей.

Bertolt BRECHT (1898 - 1956)

ICH HABE GEHÖRT, IHR WOLLT NICHTS LERNEN

Ich habe gehört, ihr wollt nichts lernen
Daraus entnehme ich: ihr seid Millionäre.
Eure Zukunft ist gesichert - sie liegt
Vor euch im Licht. Eure Eltern
Haben dafür gesorgt, dass eure Füße
An keinen Stein stoßen. Da musst du
Nichts lernen. So wie du bist
Kannst du bleiben.

Sollte es dann noch Schwierigkeiten geben,
Da doch die Zeiten
Wie ich gehört habe, unsicher sind
Hast du deine Führer, die dir genau sagen
Was du zu machen hast, damit es euch gut geht
Sie haben nachgelesen bei denen
Welche die Wahrheiten wissen
Die für alle Zeiten Gültigkeit haben
Und die Rezepte, die immer helfen

Wo so viele für dich sind
Brauchst du keinen Finger zu rühren.
Freilich, wenn es anders wäre
Müsstest du lernen.

Бертольд БРЕХТ

Я СЛЫШАЛ, ВАМ НАУКА БЕЗРАЗЛИЧНА

Я слышал, вам наука безразлична.
Мой вывод ясен: вы, должно быть, богачи,
Которые к веселью и беспечности привычны.
Чему еще вас можно научить?
Грядущий день для вас безоблачен и светел,
Дорогу легкую вам уготовили отцы:
Так значит, вам не 'должно книгам верить.
Им верят только дети и глупцы.

Я знаю, наше время беспокойно,
И чтобы избежать бессмысленных невзгод,
К своим вождям ты обратись, - и снова
Не будешь знать ни горя, ни забот.
Они хранят рецепт таинственного средства,
Которое всю правду вам откроет;
Из века в век оно работает по чести,
Из труса оно делает героя.

Зачем учиться, если праздник впереди,
И все секреты мира вам давно известны.
Ах, если бы вы позабыли хоть один,
Науки вам наверняка бы стали интересны.

Я СЛЫШАЛ, ВЫ УЧИТЬСЯ НЕ ХОТИТЕ

Я слышал, вы учиться не хотите;
В том есть резон: ведь вы – миллионеры,
И будущее ваше, сколько не спросите,
Все вижу явственно в лучистом свете.

И милые родители старались,
Чтоб ножки ваши нежные
О камни твердые не спотыкались.
И надобно ль тебе чему учиться?
Останься же таким, какой ты есть;
К чему впустую время тратить?
Глупо суетиться,
Когда и так всего у вас не счесть.

И если трудности вдруг станут на пути
Твоем счастливом, хоть, порой, опасном,
Ты не отчаивайся, не грусти,
Но обратись к своим вождям прекрасным,
Что знают все;
Они тебе подскажут,
Они прочли, где истину найти,
Вневременную Истину.

Приятно, что не нужно суетиться,
Все есть: лишь палочкой волшебною взмахни;
А если мы представим, что б могло случиться,
Возьми ее да отбери!
Тогда б пришлось тебе, несчастному, учиться.

Clemens BRENTANO (1778 - 1842)

SÜSSER MAI DU QUELL DES LEBENS...

Süßer Mai du Quell des Lebens
Bist so süßer Blumen voll
Liebe sucht auch nicht vergebens
Wem sie Kränze winden soll

Süßer Mai, mit Blumen-Glocken
Läutest du das Fest mir ein
Ich bekränze ihre Locken,
Will ein frommer Gast auch sein

Süßer Mai, zum Liebesmahle
Trägst du Blumen-Kelche ein
Blüten-Säulen stehn im Saale
Drüber wölbt sich Sonnenschein

Süßer Mai, in deinen Kelchen
Küssen fromme Bienen sich
Aber unter allen welchen
Hast du eingefüllt für mich!

Süßer Mai! du bringest nieder
Blume, Blüte, Sonnenschein,
Daß ich wisse, wem die Lieder,
Wem das Herz, das Leben weihn.

Клеменс БРЕНТАНО

МИЛЫЙ МАЙ, ИСТОЧНИК ЖИЗНИ...

Милый май, источник жизни,
Полный сладости цветов.
Любовь ищет не напрасно,
Кому ей сплести венок.

Милый май, звон колоколов
Предвещает торжество,
Кроткий гость, я украшаю
Венцом волосы ее.

Милый май, на пир любовный
Ты принес цветков бокалы,
И цветочные колонны
Огибает солнце в зале.

Милый май, в твоих бокалах
Поцелуи робких пчел.
Есть среди всех один, я знаю,
Для меня наполнен он.

Милый май, даруешь свыше
Солнце, зелень и цветы,
Чтобы знал я, кому песни,
Жизнь и сердце посвятить.

Перевод студентки 1 курса Ефимовой Марии

Клеменс БРЕНТАНО

СВЕТЛЫЙ МАЙ...

Светлый Май, в тебе - начало
Жизни, процветенье сна;
Вас любовь не зря искала,
Вам плетет венки она.

Светлый май, как рад я песням
Колокольчиков лесных;
Скромный гость, венцом чудесным
Увенчал бы кудри их.

Светлый май! Наполним звоном
Кубки из лесных цветов,
Свет пронзил цветы-колонны,
Здесь для гостя пир готов.

Светлый май! В цветочных кубках
Кротких пчёл союз скреплён;
Есть один - прозрачный, хрупкий,
Для меня наполнен он.

Светлый май! Тебе известно:
Мир процвел, чтоб мне открыть,
Жизнь кому, мечты и песни
Мог бы гость твой посвятить.

APRES LA BATAILLE

Mon père, ce héros au sourire si doux,
Suivi d'un seul housard qu'il aimait entre tous
Pour sa grande bravoure et pour sa haute taille,
Parcourait à cheval, le soir d'une bataille,

Le champ couvert de morts sur qui tombait la nuit.
Il lui sembla dans l'ombre entendre un faible bruit.

C'était un Espagnol de l'armée en déroute
Qui se traînait sanglant sur le bord de la route,

Râlant, brisé, livide, et mort plus qu'à moitié.
Et qui disait: « A boire! A boire par pitié ! »
Mon père, ému, tendit à son housard fidèle
Une gourde de rhum qui pendait à sa selle,

Et dit: « Tiens, donne à boire à ce pauvre blessé. »
Tout à coup, au moment où le housard baissé
Se penchait vers lui, l'homme, une espèce de maure,
Saisit un pistolet qu'il étreignait encore,

Et vise au front mon père en criant: « Caramba! »
Le coup passa si près que le chapeau tomba
Et que le cheval fit un écart en arrière.
« Donne-lui tout de même à boire », dit mon père.

Виктор ГЮГО

ПОСЛЕ БИТВЫ

Мой отец был героем с улыбкою мягкой,
И красив был гусар, что скакал рядом с ним;
После битвы ужасной, по полям неостывшим,
Ничуть не боясь, проезжали они.

Уж темень скрывала тела умертвленных,
Как вдруг из-под них прозвучал чей-то хрип -
Испанец то был из солдат побежденных,
Кровавый подтек к его телу прилип.

Почти полуживой, несчастный, изможденный,
Просил он только пить, чтоб жизнь свою спасти;
Отец мой был всегда душою благородный -
Велел поверженному флягу поднести.

Он говорил: "Бедняга, рому пусть глотнет".
Но в тот момент, когда гусар к нему сгибался,
Коварный мавр, войны предав завет,
Схватил свой пистолет, и выстрел тут раздался.

И, целя в лоб, когда отец вскричал: "Стервец!"
Та пуля пролетела мимо,
И в шляпе сбитой отыскала свой конец.
"Так дай же пить ему", - сказал отец невозмутимо.

1

Des douces fleurs qui le printems

Répand sur la terre émaillée

La fleur vouée au sentiment

C'est la pensée, c'est la pensée.

2

Des absens elle prend l'emploi

L'illusion vers elle attire

L'amour, l'amitié lui font dire

Pensez à moi, pensez à moi.

3

Loin de l'objet de sa tendresse

L'amant en proie à la douleur

Jette un long regard de tristesse

Vers cette fleur, vers cette fleur.

4

Son âme alors libre d'efroi

Voit son amante lui sourire

Sa douce voix semble lui dire

Pensez à moi, pensez à moi.

5

Lorsque parfois l'époux volage
Alors de chez lui court au bonheur
Ah! puisse-t-il sur son passage
Voir cette fleur, voir cette fleur.

6

De la vertu le doux empire
Lui rappelant amour et foi,
L'hymen tout bas saura lui dire
Pensez à moi, bis.

7

Si pour l'hymen elle est heureuse
Des souvenirs fixent la foi
L'amitié la croit précieuse
Et sait pourquoi, bis.

8

Car dans ce monde où tout s'oublie
Où chacun n'aime que pour soi
Il est utile qu'on s'écrie
Pensez à moi, pensez à moi.

9

Foi dont le cœur dès ta naissance
De l'amitié connut la loi

Crois qu'en tous lieux, malgré l'absence

Je pense à toi, je pense à toi.

10

Accepte les fleurs la plus belle

Et donne-lui l'heureux emploi

Qu'au fond du cœur elle rappelle

Pensez à moi, pensez à moi.

Que sur ton sein pour souvenir

Cette fleur puisse être placée

Qu'elle y fasse un soupir

Pour ma pensée, pour ma pensée.

Quand ta destine m'éloignera

De celle qui me fait la loi

L'écho plaintif lui serra

Pensez à moi, pensez à moi.

Перевод студента 4 курса Ильи Певзнера

1

Поветрие весеннего тепла
Ковром цветочным разукрасит землю,
Сквозь сладкий аромат его одной лишь мысли внемлю –
Любовь моя фиалкой расцвела!

2

Она заполнит в душе пустоту
Дыханьем чутким своим тотчас,
Крик немой рассеет темноту –
Все мои помыслы лишь о Вас!

3

Вдалеке от объятий твоих
Каждый миг веет болью разлуки,
Всё окутала тень, вихрь мыслей утих
И к фиалке беспомощно тянутся руки.

4

Успокоив смятенья недуг,
Возвестит тихо нежный глас,
Свет улыбки прогонит испуг –
Все мои помыслы лишь о Вас!

5

В суете безнадежной собьётся с пути
Странник, шедший сомнений дорогой,
Счастлив тот, кто сумеет фиалку найти:
Разум чувству пусть станет подмогой.

6

Благодатный огонь твой в душе не угас,
Возлелеявший мысль любовью и верой,
И вовек не познать чистоту её мерой –
Все мои помыслы лишь о Вас!

7

Нетронутый цветок приносит счастье,
Он веру пробуждает силою небес
И память чистую хранит в ненастье,
Повелевает чувствам - в этом нет чудес.

8

В суетном мире всё забыто,
Луч правды в самолюбии погас,
Но голос чести возвестит открыто –
Все мои помыслы лишь о Вас!

9

Любовь, что веру в сердце укрепила,
Разум воспламенит, горит душа в огне:
Таков закон, великая в нём сила –
Просто подумай обо мне!

Средь пёстрого цветочного ковра
С той фиалки не сводишь глаз,
Ярко вспыхнет в сердце искра –
Все мои помыслы лишь о Вас!

Пусть фиалками расцветает
Простор бескрайний памяти моей,
Аромат их сладкий вдыхает,
Вихрь мыслей несётся быстрее!

Но ежели судьба нас разлучает,
Фиалка мне заменит сотни фраз:
Неизменно душа восклицает –
Все мои помыслы лишь о Вас!

INVOCATION

O toi qui m'apparus dans ce désert du monde,
Habitante du ciel, passagère en ces lieux !
O toi qui fis briller dans cette nuit profonde
Un rayon d'amour à mes yeux ;

A mes yeux étonnés montre-toi tout entière,
Dis-moi quel est ton nom, ton pays, ton destin.
Ton berceau fut-il sur la terre ?
Ou n'es-tu qu'un souffle divin ?

Vas-tu revoir demain l'éternelle lumière ?
Ou dans ce lieu d'exil, de deuil, et de misère,
Dois-tu poursuivre encor ton pénible chemin ?
Ah ! quel que soit ton nom, ton destin, ta patrie,
Ou fille de la terre, ou du divin séjour,
Ah ! laisse-moi, toute ma vie,
T'offrir mon culte ou mon amour.

Si tu dois, comme nous, achever ta carrière,
Sois mon appui, mon guide, et souffre qu'en tous lieux,
De tes pas adorés je baise la poussière.

Mais si tu prends ton vol, et si, loin de nos yeux,
Soeur des anges, bientôt tu remontes près d'eux,
Après m'avoir aimé quelques jours sur la terre,
Souviens-toi de moi dans les cieux.

Перевод студентки 2 курса Лизы Поздняковой

ВОЗЗВАНИЕ

О ты, что появилась предо мной в пустыне мира,

Как странница небес иль мест иных!

Ты, что зажгла в глубокой ночи все светила

И Луч любви в глазах моих;

Явилась ты пред удивленным моим взором,

Скажи мне свое имя, страну свою, судьбу.

Нашла ли кров у нас ты, то, что назвала бы домом?

Иль ты дыхание, данное мне Богом?

Вернешься ль завтра ты, небесное свечение?

Иль в этом горьком месте уныний и страданий

Должна ты будешь продолжать свое здесь заточение?

И невзирая на страну, судьбу твою,

О, дочь земли иль божье ты творение,

Позволь отдать тебе всю жизнь мою

И предложить мою любовь и поклонение.

И если совершишь свое предназначение,

Останься здесь и будь моей опорой и судьбой.

Я буду целовать ту землю, что хранит твое прикосновение.

А если вдруг исчезнешь ты, глаза мои оставив без светила,

И к ангелам вернешься в небесный божий храм,

Ты помни, что влюбила ты меня в себя, за миг всего лишь восхитила,

Ты помни обо мне, что похвалу шлёт небесам!

PARIS-VIOLENCE

IN MEMORIAM

A ces générations baisées au nom des flux économiques
envoyées crever par milliers dans la boue de tranchées merdiques
A tous ces vaillants jeunes gens qui pour une poignée de vieux cons
sont aller clamser à vingt ans à Verdun ou à Douaumont

A ces existences bousillées à toutes ces familles détruites
pour sauvegarder les intérêts de la machine capitaliste

A la mémoire aussi de ceux qui tombèrent au petit matin
Sous les mécanismes ingénieux du charmant docteur Guillotin
jeunes et fougueux idéalistes à l'exécution capitale
car leurs soupirs trop nihilistes faisaient trembler l'ordre moral
Victimes de la bourgeoisie et de la bonne conscience française
celle qui a acclamé Vichy et en 45 tournait sa veste

Aux victimes des dictatures et à celles des démocraties
Tout gouvernant est une ordure tout gouvernement est pourri

à la mémoire de tous nos potes et à celle des inconnus
qui ne reconnurent aucun despote et qu'on a sommairement abattu
à la mémoire de tous ceux qui n'ont plus que nous pour le dire
car étant du même camp qu'eux un jour aussi on pourra les suivre

A cux qui sont tombés sous les balles de la Gestapo ou de la Tcheka
en Ukraine ou à Stalingrad au Vel d'Hiv ou à Treblinka
A ceux qui se sont effondrés sous les projos des miradors
la gueule dans les barbelés une rafale pour passeport

Aucune page de l'histoire qui ne dégouline de sang
Dès qu'un homme atteint le pouvoir il ne peut virer que tyran

Toujours soit bourreau soit faux cul, la pente humaine est carnassière
et toujours l'individu est victime de l'humanité entière
S'il a pas une balle dans le bide et les deux panards dans la tombe
l'homme est un salopard putride, l'homme est un salopard immonde

Tous les paysages se ressemblent, villes merdiques banlieues pourries
Et les hommes aussi tous ensembles sont égaux dans l'ignominie

Тем, кого распял капитал и надругался высший класс,
Тем, кто в окопах умирал, упав в блевотину и грязь.
Тем, кто по воле богачей стал кирпичом для трупных стен -
Мальчишкам, пнутым в двадцать лет под Дуомон и под Верден.

Бессмысленности всех чудес, попранию семейных уз...
Да, важен только интерес, и звон монет, их мёртвый груз...

Тем, кто взошёл на эшафот, пока рассвет ещё пылал,
Кто умер и ещё умрёт - как Гильотен нам завещал.
Тем, кто не спрятался на дно, не признавая зла мораль,
Чья кровь текла, словно вино, чиновная чтоб пиროвала шваль.

Тем, кого весь честной народ вместо себя послал на смерть,
И, при Виши раззявив рот, в глаза себе не мог смотреть.

Тем, кто пал жертвой диктатур, свободы золотых тельцов,
Правительства продажных шкур, предавших бога и отцов.

Тем, безымянным, кто погиб в сражении за идеал,
Кто скрыт за словом "перегиб" - и стар, и мал, и стар, и мал.

Кто не имеет, кроме нас, певцов для отгремевших битв -
И нету слёз для мёртвых глаз, нет ни ругательств, ни молитв.

Тем, кто прошёл концлагеря, растерзан под вороний грай,

Под кем горящая земля была дорогой в ад и рай.

Кто за гражданские права готов был сердце рвать в куски-

Простреленная голова, колючей проволоки тиски...

Историю и добр и зол напишет кровью мертвецов.

Из кандидатов на престол власть создаёт лишь подлецов.

Мерзавцы царствуют всегда - и всякий неизбежный раз

Мы убиваем без труда тех, кто был лучше, чище нас.

Пока ты не висишь в петле, пока толпа тебя не рвёт,

Пока ты ходишь по земле - ты равен всем. Урод. Урод.

Все города слились в одно. И истину, как ни проси,

Не смоешь кровь или вино: мы все равны в своей грязи.

SENSATION

Par les soirs bleus d'été, j'irai dans les sentiers,
Picoté par les blés, fouler l'herbe menue,
Rêveur, j'en sentirai la fraîcheur à mes pieds.
Je laisserai le vent baigner ma tête nue.

Je ne parlerai pas, je ne penserai rien :
Mais l'amour infini me montera dans l'âme,
Et j'irais loin, bien loin, comme un bohémien,
Par la nature, heureux comme avec une femme.

Артю́р РЕМБО

ПРЕДОЩУЩЕНИЕ

Летним вечером голубым

Я пойду по этим тропинкам

По колосьям и по травинкам

Под негромкий шорох листвы

И ни слова не пророню я

Про себя не подумаю даже

Пусть сама любовь тихо скажет

Что в моей душе заночует

Я пойду мимо серых буден

Как цыган, что за солнцем ходит

Проложу себе путь к Природе

Что вернее женщины будет.

Paris

Où fait-il bon même au cœur de l'orage
Où fait-il clair même au cœur de la nuit
L'air est alcool et le malheur courage
Carreaux cassés l'espoir encore y luit
Et les chansons montent des murs détruits
Jamais éteint renaissant de la braise
Perpétuel brûlot de la patrie
Du Point-du-Jour jusqu'au Père-Lachaise
Ce doux rosier au mois d'août refleuri
Gens de partout c'est le sang de Paris
Rien n'a l'éclat de Paris dans la poudre
Rien n'est si pur que son front d'insurgé
Rien n'est ni fort ni le feu ni la foudre
Que mon Paris défiant les dangers
Rien n'est si beau que ce Paris que j'ai
Rien ne m'a fait jamais battre le cœur
Rien ne m'a fait ainsi rire et pleurer
Comme ce cri de mon peuple vainqueur
Rien n'est si grand qu'un linceul déchiré
Paris Paris soi-même libéré

Где даже в сердце бури так красиво,
Где ясно в мрачной темноте ночи,
И воздух пьян и смел столь несчастливо,
А песни и мечты разбитых мостовых
Вздываются к стенам, как к небу дым свечи.

И никогда не гаснет, из углей родившись,
Тот вечный огонёк, чьим Франция живёт,
От Пуан-дю-Жур до Пер-Лашеза, появившись,
Сей нежный куст цветёт, а люди, мир объехав,
Стекаются сюда – вот, чем Париж живёт.

Ничто не восхищает, как мой Париж во прахе,
Ничто так не честно, как фронт повстанцев боевой,
Ни пламя и ни пушки, а мой Париж во мраке
Сильнее всех угроз, напавших на него,
И меркнет райский блеск, увидев город мой.

Ничто так не заставит сердце биться,
И плакать, и смеяться в тот же час,
Как этот крик победоносного народа,
И клочья савана разбитого сейчас.
Париж, Париж, освободившийся своей рукой...

Stringiti a me...

Stringiti a me, abbandonati a me, sicura.

Io non ti mancherò e tu non mi mancherai.

Troveremo, troveremo la verità segreta su cui il nostro amore potrà riposare
per sempre, immutabile.

Non ti chiudere a me, non soffrire sola, non nascondermi il tuo tormento!

Parlami, quando il cuore ti si gonfia di pena.

Lasciami sperare che io potrei consolarti.

Nulla sia taciuto fra noi e nulla sia celato.

Oso ricordarti un patto che tu medesima hai posto.

Parlami e ti risponderò sempre senza mentire.

Lascia che io ti aiuti, poichè da te mi viene tanto bene.

Обними меня...

Обними меня и забудь обо всем, родная.

Я скучать тебе никогда не позволю вновь.

Мы найдем то, что скрыто от глаз, обещаю.

Нашу правду, что враз обесмертит меж нами любовь!

Но не скрой от меня твоих мук и терзаний.

Только мне расскажи, что тревожит так сердце твое.

Излечу я его, заберу твою боль и страданья,

Дай лишь сил мне, любимая, и надежду на то.

И пусть никогда не будет лжи и молчанья.

Вспомни, сама ты придумала наш договор,

Чтобы я всегда отвечал тебе без обмана.

И поэтому мне хорошо с тобой до сих пор.

Hanno ammazzato il Mario

Hanno ammazzato il Mario in bicicletta
Gli hanno sparato dal tram che va all'Ortica
Era in salita ma pedalava in fretta
Poi l'han beccato e andava con fatica.

L'hanno beccato preciso sul cervello
Ma ha fatto ancora qualche pedalata
Poi è crollato come fa il vitello
Quando gli danno l'ultima mazzata.

Fin da ragazzo correva in bicicletta
Per l' "Amatori B Gallaratese"
Con una Maino rubata con destrezza
A un corridore della "Pedal Monzese".

Non l'ho mai visto neppure al circo in pista
Un tipo che facesse il furto al volo
Faceva il salto a pesce sul ciclista
Lui era in sella e l'altro steso al suolo.

Hanno ammazzato il Mario in bicicletta
In una sera che il cielo era arancione
Lui stava andando da Lina che l'aspetta
E ha trovato un tale sul portone.

Era il questore che gliel'avea giurata
Per colpa sua non ha l'avanzamento

Ha pedinato la sua fidanzata
E l'ha beccato sull'appuntamento.

“Alt! Se ti muovi tu sei bell'e spacciato
La faccia al muro, metteti in ginocchio!”
Il Mario sembra davvero rassegnato
Ma fa una mossa e parte un grande scoppio.

Era lo scoppio di una bomba Breda
Che ha fatto fuori l'ignaro questurino
Poi con un salto è già sulla sua preda
La bicicletta da donna d'un bambino.

Hanno ammazzato il Mario in bicicletta
Gli hanno sparato dal tram che va all'Ortica
Era in salita ma pedalava in fretta
Poi l'han beccato e andava con fatica.

L'hanno beccato preciso sul cervello
Ma ha fatto ancora qualche pedalata
Poi è crollato come fa il vitello
Quando gli danno l'ultima mazzata

Они убили Марио

Убили Марио-велосипедиста,
В него стреляли из миланского трамвая.
Он ехал в гору, крутил педали быстро,
Хотя с трудом, уже ослабевая.

И даже пулю получив в висок,
Он продолжал ещё крутить педали,
Но вот последний сделал он рывок
И рухнул замертво – уйти враги не дали.

Ещё мальчишкой он всюду катался
За общество любителей из «Би Галларатезе»
На старом Маино, что ему достался
От велогонщика из «Педал Монцезе».

Я никогда не видел даже в цирке
Таких, как он, что на лету воруют.
На свою жертву он прыгнул словно рыба
И миг спустя уже в седле гарцует.

Убили Марио-велосипедиста,
Ярко-оранжевым в тот вечер небо было.
Он ехал к Лине, крутил педали быстро,
Но у ворот его остановили.

Тот комиссар, что отомстить поклялся
Сам из-за Марио чуть не лишился места.
Давно поймать воришку он пытался
И выследил его через невесту.

«Лицом к стене и быстро на колени!
Стоять, не двигаться, иначе тебе крышка!».

И Марио, казалось на мгновенье,
С судьбой смирился, но вдруг случилась вспышка.

Это был взрыв ужасной бомбы Брэда,
Что вышиб дух бедняге-комиссару,
Прыжок и Марио в седле велосипеда,
Но и ему не избежать удара!

Убили Марио-велосипедиста,
В него стреляли из миланского трамвая.
Он ехал в гору, крутил педали быстро,
Хотя с трудом, уже ослабевая.

И даже пулю получив в висок,
Он продолжал ещё крутить педали,
Но вот последний сделал он рывок
И рухнул замертво – уйти враги не дали.

2017